

«Художник — это фанатик»

Валерий Архипов, зав. кафедрой живописи и рисунка

СКН: Валерий Валентинович, ВГИК выпускает настоящих профессиональных художников, и сегодняшняя защита — тому доказательство. А какими должны быть абитуриенты?

В.А.: Главный критерий отбора во всех художественных вузах — талант. Второй и не менее важный момент — преданность делу: художник должен быть фанатиком.

СКН: Как это можно распознать во время вступительных экзаменов?

В.А.: Практически целый год педагоги общаются с абитуриентами на подготовительных курсах. За это время проявляется уровень подготовки, характер человека, его воспитание, отношение к жизни, к профессии. Кто-то более эмоционален, быстро заводится, с удовольствием поддерживает разговор, ко всему высказывает интерес. Бывает наоборот — у человека нет никакой реакции на ту или иную ситуацию, он замкнут, ко всему безразличен. Все это важно. Экзамены проходят в течение месяца, рисовать приходится по 6 часов в день, не каждый такое выдержит. Здесь без фанатизма не обойтись.

СКН: Каким должен быть уровень технической подготовки абитуриента?

В.А.: Раньше Министерством образования было решено, что в художественные вузы может поступать человек, закончивший среднее специальное учебное заведение, т.е. художественное училище. Выпускники художественных школ к экзаменам не допускались. А в 1986 году запретили поступать даже с одной тройкой в аттестате. Конечно, уровень подготовки был высокий. Когда я учился в Мухомовском училище, студентов моложе 26-ти лет не было. Сейчас такой строгости нет, поступают и 16-летние девочки и мальчики. Но дело не столько в техническом уровне (за 6 лет можно научиться человека рисовать), сколько в кругозоре, жизненном опыте — студентам этого не хватает.

СКН: Что это за собой влечет?

В.А.: Трудности ложатся на плечи педагогов. Например, Борисов или Платов не для того остаются в институте до полуночи, чтобы объяснять студенту, как нарисовать что-то, а чтобы помочь ему разобраться в ситуации, в драматургии произведения, в творчестве писателя. А ведь еще на практику ездят, на пленэр. Это делается для того, чтобы студенты понимали, как трудно быть художником. Приходится таскать этюды, холсты, краски, куда-то ехать, писать с утра до вечера — это адский труд. Все не так, как в обычном вузе — отзанимался и пошел домой. Здесь не до развлечений, рабочий день не прекращается, суток не хватает.

СКН: Вы и впрямь видите этот фанатизм в студентах?

В.А.: Бывает, родители приходят и спрашивают: «Что вы сделали с моим ребенком, он не бывает дома?!». Но эта профессия не терпит измены: хочешь быть художником — надо полностью отдавать себя делу. ВГИК — не панацея. Если поступил, это не значит, что из тебя сделают художника. На 60 процентов все зависит от самого студента. Кому интересно, тот работает.

СКН: Художественное образование предполагает материальные затраты (краски, холсты, рамы и т.д.). Помогает ли институт студентам?

В.А.: Одно время студенты все покупали сами. А сейчас помогаем. Есть статья в бюджете — на материалы и оборудование.

СКН: Художнику кино нужен режиссер — почему вы не приглашаете режиссеров на защиту дипломов?

В.А.: Приглашаем, но не приходят. Им это неинтересно. Большинство режиссеров относится к художникам, как к материалу, который можно использовать и забыть. Но сегодня многое решает продюсер, который старается взять на работу молодого художника — ему можно меньше платить. За рубежом, где существуют профсоюзы, ни один человек не пойдет на работу за сумму, которая меньше зафиксированной и узаконенной. У нас это не обсуждается. Можно и бесплатно ра-

ботать, за идею. Или обслуживать тусовку и хорошо зарабатывать.

Валерий Архипов

СКН: Какой сейчас конкурс при поступлении в институт?

В.А.: В 1994 году было полтора человека на место. Отменили экзамены по общеобразовательным предметам: были бы «двойки» по истории или сочинению — пришлось бы закрывать факультет. Сейчас у художников-постановщиков — 4 человека на место. У других художников кино и анимации тоже увеличился конкурс. После творческого конкурса отсеивается половина: ни площади, ни бюджет института не позволяют принять всех желающих. 15 человек — это предел. Хорошо, что поступают не только москвичи, что приезжают из Уренгоя, из Брянска, со всей России. Заметно, что в стране уже перебор и юристов, и экономистов.

СКН: ВГИК всегда был престижным вузом.

В.А.: Прежде всего, ВГИК — это Школа. Я был во многих странах, могу сказать, что фундаментального академического образования нет ни в Мюнхенской академии художеств, ни во Французской национальной академии художеств, и в Америке нет настоящей школы. В срав-

нении с зарубежными студентами, наши — как Микеланджело. Нам в некотором смысле повезло, что мы жили за железным занавесом: все сохранили — и школу, и традиции. Но реальность сегодня такова: поскольку мы выпускаем хороших художников, то тем самым переходим дорогу художникам других стран, и нас не очень охотно пускают на мировой рынок.

СКН: Часто ли проводятся выставки студенческих работ?

В.А.: Выставка пленэра, выставка лучших академических работ после первого семестра и дипломная выставка проводятся ежегодно. Все зависит от средств. Если есть возможность, договариваемся с каким-нибудь кинотеатром или выставочным залом. Если нет, проводим мероприятия в институте. Последняя крупная выставка «Неменский и его ученики» проходила в Манеже и широко освещалась прессой и телевидением. Была выставка в Италии. Ездили на фестиваль анимации в Тегеран, где показали 75 работ — мультипликационные, постановочные, академические (портреты, пейзажи, натюрморты), работы художников по костюмам. Иранцы смотрели на нас широко раскрытыми глазами, просили остаться, говорили: будете нас учить.

Беседовала Наталья МАЗУР